
В ПОЛЕ С МОЛОДЕЖЬЮ: РОЛЬ СОЦИОЛОГА-ИССЛЕДОВАТЕЛЯ В ПРОЦЕССЕ ВЫДВИЖЕНИЯ УТВЕРЖДЕНИЙ-ТРЕБОВАНИЙ

Э.М. Шарифуллина

В статье с позиций контекстуального конструктивизма рассматривается роль социолога в процессе выдвижения утверждений-требований на примере изучения процесса наркотизации в молодежной среде. Внимание сфокусировано на проблеме публичного молчания представителей проблематизируемой группы. В статье проводится анализ опыта взаимодействия в поле с информантами, позиции социолога в поле научного производства и процессе выдвижения утверждений-требований.

Ключевые слова: социальные условия, проблематизируемые группы, конструктивистский подход, выдвигаемые утверждения-требования, молодежь, социолог, власть, социальные проблемы, наркотизация, сопротивление дискурсам, производство социологического знания

Молодежная наркотизация как социальная проблема может рассматриваться с точки зрения двух подходов – объективистского и конструктивистского.

В рамках существующих профессиональных дискурсов молодежной наркотизации: медицинского, психиатрического, криминального, юридического, а также государственного дискурса молодежная наркотизация как социальная проблема рассматривается преимущественно с объективистской точки зрения. Исследователи изучают «объективные» социальные условия: причины, масштабы, последствия, биологические и психологические характеристики участников процесса наркотизации и т. д., которые являются факторами,

негативно влияющими на социальное здоровье молодежи, а значит угрожающими будущему общества в целом¹. С этой точки зрения задача социолога «заключается в том, чтобы выявить эти вредные условия, проанализировать их, установить те социальные силы, которые способствовали их возникновению, и, возможно, предложить определенные меры по исправлению данных ситуаций» [Ясавеев, 2004].

В свою очередь конструктивистский подход предполагает ответы на вопросы: почему молодежная наркотизация имеет статус социальной проблемы, и каким образом она конструируется как социальная проблема. Конструктивисты определяют социальную проблему как «деятельность индивидов или групп, выражающих недовольство и выдвигающих утверждения требовательного характера относительно некоторых предполагаемых условий» [Спектор и Китсьюз, 2001]. Требования в данном контексте направлены на изменение этих условий. Конструктивисты анализируют социальную проблему как риторику, и целью исследований является «сосредоточение на самих утверждениях-требованиях, на тех, кто их выдвигает, и на самом процессе выдвижения утверждений-требований» [Бест, 2001]. Так, изучение молодежной наркотизации с позиции конструкционизма предполагает, в частности, анализ непосредственно самих циркулирующих в обществе дискурсов молодежной наркотизации². Кроме того, конструктивисты обращают внимание на положение проблематизируемых, отмечая «беспомощность групп, не обладающих властью, в привлечении внимания к тому, что они считают проблемами» [Блумер, 2001].

В дальнейшем я исхожу из позиций контекстуального конструктивизма, основанного на понимании того, что информация о социальных условиях «может быть использована для описания (пусть несовершенного), того контекста, в котором происходит выдвижение

¹ В качестве примеров вышеобозначенных дискурсов могут служить следующие статьи: Билибин Д.П., Дворников В.Е. Патофизиология алкогольной болезни и наркоманий. М.: Рос. ун-т дружбы народов, 1991; Гольдан В.В., Романова О.Л., Дрынков А.В. Психологическое исследование запугивания на установку подростков по отношению к наркотикам // Вопросы наркологии. 1990. № 4; Дмитриевский Р., Прудников Б. Административно-правовая ответственность при совершении правонарушений в сфере наркомании // Закон и право. 2001. № 1; Шумилов А.Ю., Ивасенко В.Б. Новый закон о наркотиках и терминология противодействия наркобизнесу: Структура и текст РЗ: Словарь терминов: Перечень нормативных актов и документов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Издатель Шумилова И.И., 1999; Золотов Ю.М. Наркомания в России: вызов национальной безопасности // Преступность как угроза национальной безопасности. Ульяновск: Изд-во Ульян. ун-та, 1998.

² Примером подобного рода анализа может служить сборник статей: Тринадцатый шаг: социология наркотизации / Под ред. Е.Л. Омельченко. Ульяновск: Изд-во Ульян. ун-та, 2002.

утверждений-требований» [Бест, 2001]. Контекстуальные конструктивисты, в отличие от строгих конструктивистов, обращаются к социальным конструкциям социальных условий, ограничиваясь результатами статистических исследований и опросов общественного мнения. Имеет смысл обратиться к результатам исследований, полученных посредством применения качественных методов.

Обращение к ситуации публичного молчания представителей проблематизируемых групп и использованию результатов применения качественных методов выдвигает на первый план роль социолога. С точки зрения актуализированных проблем, выдвинутый в рамках конструктивистского подхода, тезис о том, что «социальные проблемы могут конструироваться... социологами в том случае, если их выступления и публикации, представляющие результаты исследований и интерпретацию этих данных, способствуют росту обеспокоенности общественности относительно какой-либо ситуации» [Ясавеев, 2004], скорее можно рассматривать как вопрос. Цель статьи, которая позволит дать ответ на этот вопрос, – рассмотреть роль социолога в процессе конструирования социальных проблем. Я остановлюсь на анализе опыта взаимодействия в поле с информантами, позиции социолога в поле научного производства и процессе выдвижения утверждений-требований.

Методом исследования роли социолога в данной статье является самоэтнография. Она представляет собой рефлексивное включенное наблюдение в молодежной среде, который осуществлялся с целью изучения наркотических практик¹. В академическом сообществе возможность исследования опыта употребления наркотических веществ ставится под сомнение. В частности, критике подвергается ситуация, в которой социолог, не имеющий опыта употребления наркотических веществ, исследует процесс наркотизации. Подобного рода критика основана на представлении эксклюзивности опыта информанта, который делает невозможным понимание. Если нельзя понять опыт, то и процесс невозможно. Однако следование этой позиции приводит в тупик. Во-первых, опыт информантов чрезвычайно разнообразен. Даже если исследователь «попробует» все виды наркотических

---

¹ Включенное наблюдение осуществлялось в городе Чапаевске (Самарская область) с 1 апреля по 20 мая 2003 года в рамках III этапа исследовательской части проекта «Бытовое, но не “нормальное”»: употребление наркотиков и молодежные культурные практики в современной России» (грант ESRC № R000239439). См. подробнее: сборники статей по результатам исследования «Полевая кухня: как провести исследование» и «Нормальная молодежь: пиво, тусовка, наркотики».

веществ, он не сможет восстановить последовательность опытов с теми или иными наркотическими веществами, их совмещение с употреблением алкоголя, а также ситуацию, в которой оказывались те или иные информанты. В любом случае это будет эксклюзивный опыт исследователя, который будет в чем-то походить, а в чем-то расходиться с опытом информантов. Во-вторых, эта позиция актуализирует вопрос о том, кому, собственно говоря, будут представлены результаты исследования. Адекватно оценить его смогут только те, кто сам имеет опыт употребления наркотических веществ. Эта позиция представляется мне эссенциалистской, так как направлена на постижение сути опыта и поиск этой сути, что становится целью исследования. Возможно, в силу своей позиции я не вижу выхода из этого тупика, но считаю, что цель исследования должна заключаться в изучении того, что именно и кому говорят о своем опыте информанты, каким образом, с какой целью и в каких ситуациях они это делают.

Апелляция к статистическим данным и опросам общественного мнения при рассмотрении социальных конструкций социальных условий, на мой взгляд, имеет одно серьезное противоречие. Статистические данные формируются в соответствии с определенными требованиями и тематически ограничены. Опрос общественного мнения осуществляется на основе анкеты, при составлении которой исследователи исходят из необходимости получить объективные сведения о «существующей» проблеме. Противоречие, таким образом, заключается в том, что эти данные изначально ограничены самим «фактом существования» социальной проблемы. Подобного рода данные имеют значение при рассмотрении соответствия социальных условий выдвигаемыми утверждениями-требованиями. Я не ставлю под сомнение целесообразность апелляции, так как этот процесс позволяет отметить расхождения между выдвигаемыми утверждениями-требованиями и информацией о социальных условиях, понять, почему некоторые утверждения-требования привлекают внимание или способствуют изменению социальной политики. Я хочу обратить внимание на разрыв между социальными конструктами социальных условий, который возникает в ситуации обращения к данным, полученным в результате применения количественных и качественных методов социологического исследования. В связи с чем я обращаюсь к опыту применения качественной методологии, в частности метода включенного наблюдения в среде молодежи на предмет изучения наркотических практик.

«Своя» – «чужая»: обходя ловушки дискурсов

Одна из проблем вхождения в поле и взаимодействия с информантами заключалась в том, что я не относила себя к молодежи, употребляющей наркотики. С молодежной наркотизацией была знакома поверхностно, стала интересоваться этой темой, только начав работать в исследовательском центре «Регион». Представление о наркотизации было сформировано информацией из СМИ, литературных источников, рассказов друзей и знакомых. Тема наркотиков воспринималась мною как запретная, а потому закрытая. Любопытным с этой точки зрения представляется эпизод из моей биографии, когда мне предложили попробовать сваренные конопляные шарики, и я согласилась. Однако в силу небольшого количества материала возможность какого бы то ни было эффекта ставилась под сомнение самими угощающими. В итоге говорить о ясно осязаемом результате эксперимента не приходится. Трудно сказать, была ли в тот вечер рефлексия о моем мировосприятии спровоцирована принятыми шариками или стала реакцией на события последних дней. Хочу обратить внимание на тот факт, что этот свой опыт я никак не связывала с проблемой наркотизацией молодежи вообще, которая ко мне не имела никакого отношения. Потому со всей серьезностью, проникнувшись исследуемой проблемой, я старалась «освободиться от собственных стереотипов, перестать бояться этой темы и не воспринимать ее как недоступную для изучения», а для того чтобы почувствовать «поле» и приобрести необходимый минимум знаний, я прочитала все интервью с ребятами-чапаевцами, из базы данных первого этапа исследования. Включение в это информационное пространство я рассматривала как своего рода прививку, которая подготовит меня к восприятию «правды жизни». Согласно конструктивистскому подходу «работа социальных ученых по подсчету, классификации и, потенциально, контролю девиантов, преступников, бедности, необразованности, безработицы, множества социально слабых групп создает лишь иллюзию их власти. Те, кто практикуют науку соответствующим образом, и делает это технически грамотно, иногда могут даже получить доступ к процессу принятия решений, к тем, кто обладает властью. Статьи в “главных” журналах, место в престижных университетах, роль в региональных или даже в федеральных комиссиях – все это возможные награды за участие в соответствующей практике конвенциональной социологии. Доступ в этот элитный клуб просто требует

превращений страданий обычных людей в абстракции, графики, коэффициенты» [Михаловски, 2001]. Описание проделанной мною над собой операции, говорит о том, что «реальный жизненный опыт» приносится в жертву необходимости включения в поле науки. Одновременно с этим четко прослеживается влияние дискурсов молодежной наркотизации на восприятие ситуации исследователем. О силе воздействия дискурсов говорит тот факт, что, преодолевая сомнения в возможности стать «своей» в группе «молодежи, употребляющей наркотики», я решила подключить для сближения свою молодежность, в наличии коей у меня сомнений не возникало.

Здесь стоит сказать о моем восприятии своей молодости. С одной стороны, я считала себя взрослым человеком: заканчивала учебу в университете, работала, самостоятельно принимала решения. В то же время в соответствии с законодательством я имела формальный статус «молодежи», у меня не было своей семьи, детей, собственности, я не переезжала из родительского дома «навсегда». Потому мое возвращение в «юность» было довольно легким мероприятием – в поле я не работала, вместе с тем мое времяпрепровождение в поле было работой. Соотнесение себя с молодежью представляется неоднозначной процедурой. Принимая во внимание, что категория «молодежь» является социальной конструкцией, содержание которой меняется в зависимости от конкретного исторического момента, от властных субъектов, обладающих правом на наделение смыслом и т. д., я исходила из условий конкретной ситуации, которые требовали моего соответствия представлениям о молодежи исследуемой группой. Бессмысленность поиска ответа на вопрос: «каковы они эти представления?» – очевидна, так как я исхожу из того, что представители молодежи значительно отличаются друг от друга. В этой ситуации единственное, что мне оставалось, это найти группу конструкты молодежи которой совпадают с моими представлениями. Так я обошла ловушку дискурсов, конструирующих определенные представления о молодежи.

Первые дни в Чапаевске я чувствовала себя радаром, чутко реагирующим на присутствие молодежи. Я смотрела на ребят в кафе, электричках, автобусах, возле школ и училищ, у игровых автоматов и просто идущих по улице и понимала, что это мои «потенциальные клиенты». У меня было два способа знакомства в городе, где я никого не знаю. Первый: случайное знакомство, выбрать кого-то и начать общение, объяснив свои цели. Так я поступила, познакомившись на авто-

бусной остановке с девушкой, которая впоследствии по моей просьбе вела дневник. Второй способ знакомства: использовать существующие организации, клубы, кружки по интересам, в которых собирается молодежь – путь от структуры. Так я посетила клуб юных журналистов и попала на тренировку к брейк-дансерам, о которых знала еще из интервью первого этапа исследования. Посещение Дома культуры (ДК), в котором занимались брейк-дансеры, определило основное направление моей деятельности. Самым важным при решении остановить выбор именно на этой группе стал факт того, что брейк-дансеры общались друг с другом между занятиями, некоторые из них входили в одну компанию, что расширяло возможности моего включения. Группа была сформирована на основе общего увлечения брейк-дансом¹ и рэпом², что проявлялось в изучении и совершенствовании приемов танца, сочинения текстов, музыки и чтения рэпа. В компанию входили юноши и девушки в возрасте от 10 до 19 лет, которые несколько раз в неделю приходили заниматься в местный ДК.

У меня никогда не было компании в классическом понимании, в которой досуг и праздники проводятся неизменно с одними и теми же людьми. Я входила в разные компании, не закрепляясь нигде надолго. Можно сказать, что брейк-дансеры стали моей первой «настоящей» компанией. Поэтому все те правила и нормы, которые были для ребят привычными и незаметными, я оценивала «незамутненным» взглядом, отмечая все значимое для понимания их групповой идентичности.

Идентификация моих информантов с рэперами и брейк-дансерами проявлялась в их внешнем виде: широкие штаны, футболки, балахоны, кроссовки, толстовки с капюшонами, бейсболки, рюкзаки. Для новичка в компании существовало, как минимум, два пути позволяющих стать «своим»: быстро и умело овладеть танцем либо обзавестись соответствующими культурными атрибутами. Реально оценив свои потенциальные возможности в умении танцевать брейк-данс, потренировавшись одним из вечеров, я рассказала историю приобретения своего

¹ Брейк-данс (Break Dance) – танцевальное ответвление в хип-хоп (hip-hop) культуре. Брейк делится на две части: акробатическую и пантомимическую. Первая, называемая «брейкинг» (Breakin’), или «брейк-дансинг» (Break Dancin’), состоит из набора разных способов вращения на голове, спине, плечах и руках («пропеллер»), на колене («самолет»), на руках, держа тело с вытянутыми ногами, параллельно полу («крокодил») и др. Другая – менее силовая, пантомимическая часть брейка дает неограниченную возможность для импровизации и состоит из ряда приемов, требующих специальной тренировки. Эта техника называется в Нью-Йорке «Электрик-буги» (Electric Boogie), а в Лос-Анджелесе – «поп-локинг».

² Рэп – музыкальное направление, которое характеризуется быстрым, ритмичным проговариванием рифмованных текстов, рэперы называют их «текста».

рюкзак, стала чаще носить толстовку и заглянула в Интернет с намерением побольше узнать о рэпе и брейк-дансе.

Скорому и безболезненному включению в компанию брейк-дансеров способствовали определенные, выглядящие в глазах ребят значимыми, ресурсы: во-первых, мобильный телефон, который на момент исследования был доступен не всем ребятам из компании, и потому воспринимался ими как элемент «крутизны»; во-вторых, возможность и умение пользоваться и работать в Интернет (для большинства ребят посещение Интернет-салона было недоступно); и, наконец, специфика моей профессиональной деятельности: необычная, таинственная, интересная работа / не работа, которая вызывала интерес. Удачное расположение жилья позволило мне свободно курсировать между домами культуры, центром города и местом проживания ребят, поэтому я могла проводить с ними больше времени и приобрела знания о практиках, распространенных в молодежном сообществе, которые при иных обстоятельствах остались бы незамеченными. Например, имела возможность участвовать в «проводах» до дома ребят из компании. Это было не просто знаком внимания со стороны провожающих, а необходимостью. Никто не решался возвращаться домой в одиночку, ночной город воспринимался как территория повышенной опасности. Можно было не только стать случайным участником «чужих» разборок, но и оказаться втянутым в них.

Цель своего приезда я обозначила как исследование молодежных сообществ. Об изучении наркотических практик¹ не говорила и сама разговоры на эту тему не провоцировала, что было правильно, – брейк-дансеры заговорили сами. Первым стал разговор об употреблении наркотиков, местах их продажи и вообще об уровне наркотизации в городе, который состоялся у меня с девушкой из компании брейк-дансеров. Наше с ней знакомство на момент разговора составляло пару часов. Она начала говорить *об этом* между прочим, сначала просто констатируя факт употребления наркотиков ребятами в компании, а потом выражая свое негативное отношение к практикам употребления не только наркотиков, но алкоголя и сигарет. Вторым моментом явился обращенный ко мне вопрос: «Накуриваюсь ли я?», заданный мне Ваней при третьем посещении брейк-дансеров. Третьим случаем стало интервью с девушкой Мариной, имевшей опыт употребления героина. Я брала интервью у двух ребят, с которыми только

¹ Этим термином я обозначаю любой вид включения в наркотическое пространство: дебот, регулярное употребление или присутствие при употреблении других и др.

что познакомилась, когда она присоединилась к нашей беседе. Карина поведала историю своего приобщения к употреблению героина и отказа от него. Она рассказывала об этом совершенно спокойно, никоим образом не смущаясь присутствия своих знакомых, для которых эта информация, как и для меня, была внове, и которые, как я выяснила в процессе общения, негативно относились к употреблению тяжелых наркотиков.

Первоначально я рассматривала рассказы информантов как откровения, которые были возможны благодаря, безопасной в их глазах, позиции социолога, которому можно открыться, а также моему индивидуальному образу вызывающей доверие девушки. Однако подобного рода представления основываются на восприятии их опыта в рамках конструкта социальной проблемы молодежной наркотизации. Понимание этого позволило мне обратиться к мнению информантов относительно интересующего меня как исследователя вопроса. Так я обошла дискурсы молодежной наркотизации.

Анализируя весь массив интервью, я обратила внимание на то, что во многих из них при ответе на вопрос: «Кто никогда не войдет в вашу компанию?», – четко проговаривалось, что это человек, который ставит себя выше других, необоснованно кидает понты (выставляет в значительно преувеличенном виде свои возможности, ресурсы и т. д.), не прикалывается (не обладает чувством юмора), зашуганный или лох, то есть человек, не уверенный в себе, нерешительный, не согласовывающий свои слова с действиями или на поверку оказывающийся таковым. Я вела себя открыто и уверенно, была общительна, отвечала на все вопросы, при этом не «кидала понтов» и проявляла искренний интерес к ребятам, к их деятельности и культуре брейк-данса и рэпа, последнее для них было очень важно. Моими проводниками¹ в компанию стали активисты брейк-дансеров: два мальчика и одна девочка, составлявшие костяк компании и лучше других танцующие брейк. Общение с лидерами стало возможно благодаря соответствию моего статуса их представлениям о его уровне. Таким образом, я получила доступ к информации о всех предстоящих, происходящих или прошедших событиях, чему, кроме того, способствовало сохранение мною нейтралитета в ситуациях возникновения трений и т. п., который поддерживался самими ребятами, так как я не претендовала на позиции успешного танцора, лидера и девушки, привлекающей / отвлекающей внимание юношей.

---

¹ Проводник – представитель группы, который способствует включению в нее исследователя.

Нахождение в «поле» воспринималось мною почти как существование в некоем виртуальном пространстве, сродни игре. Я играла в другую себя, но при этом оставалась собой. Принимая во внимание, что «наиболее скрыто то, с чем все согласны, причем согласны настолько, что об этом даже не говорят, не спрашивают – это идет само собой» [Бурдые, 2000], смысл игры для меня заключался не столько в самом процессе игры и получении выигрыша, сколько в необходимости понять ее правила, уловить нюансы, увидеть то, что для других само собой разумеется.

Однако постоянно сохранять нейтралитет в процессе включенного наблюдения довольно сложно, так как предвидеть ход всех событий невозможно. В частности, когда на кону оказывается твоя личная безопасность, роль стороннего наблюдателя отходит на второй план. С самого первого дня моего включения в тусовку брейк-дансеров, они постоянно разговаривали о поездке на брейк-данс-фестиваль «Легион», который должен был состояться в городе Новокуйбышевске (Самарская область) в конце апреля. Поездка состоялась, и ребята выступили на фестивале. «Приключения» начались по пути на вокзал. Во время нашего возвращения на нас напали ¹. Нас было человек четырнадцать, но противников оказалось больше. Неравенство сил привело к нашему бегству. Опасность быть избитым и покалеченным была реальной. Из дневника: *«Я выбежала на дорогу и стояла в растерянности, не зная, что делать дальше. Тут увидела, как пацаны разговаривают с водителем, который остановился на красный свет светофора. Видимо им удалось договориться, так как они стали всех звать. Дмитрий, Олег и я разместились на переднем сиденье автомобиля, на заднем – остальные восемь человек. Наташа всхлипывала, все орали. Поехали на станцию. Мне это показалось странным, зачем ехать туда, куда мы не смогли дойти? Доехали за три минуты. Вылезли. Водитель попросил денег, я ему заплатила. Мы не знали, ждут ли нас на вокзале, когда услышали смех. Подумали: “Все!”». На вокзал заходить не стали, пошли во двор какого-то дома. Встали. Стали курить. Меня трясло, то ли это было продолжение реакции на холод, то ли нервы, долго не могла прикурить, пальцы не слушались и успели замерзнуть. В то же время старалась собраться. Тру-*

¹ До сих пор вопрос о том, кто на нас напал, остался открытым. Однако все мои попутчики – брейк-дансеры – в голос уверяли меня, что это были Новокуйбышевские скинхеды. На мой взгляд, тот парень, которого мне лично удалось рассмотреть среди напавших, на скинхеда походил мало: обычные брюки, спартаковский шарф, свитер, волосы ежиком.

*сость... Если бы они подумали о наличии оной во мне, я бы потеряла уважение, этого позволить я себе не могла. Игорь делал дубинку из упавшего дерева, Дима пошел на разведку. Остальные решили, если ситуация усугубится, не говорить нападающим о том, что мы рэперы и брейк-дансеры, настаивать на том, что просто приезжали в город. В это время около гаражей появились две фигуры. Игорь и вернувшийся к тому времени Дима пошли к ним, оказалось это Мазик и Антонио. У Мазика в руке был нож. Они с Димой снова отправились на разведку. Дима вернулся, сообщил, что все в порядке. Пошли на вокзал. Мы беспокоились о Ване и Саше, которые потерялись в пути. На вокзале сидели три парня и одна девушка, ждали электричку на Самару, все с фестиваля...». В подобного рода ситуации я никогда не оказывалась, потому не знала, как себя вести. Только четко понимала, что очень важно вести себя адекватно, в данном случае это означало соответствовать представлениям участников моей группы, потому я полностью ориентировалась на их поведение. Бежали – бежала, курили – курила, учили уворачиваться от ударов – училась, спросили, есть ли у меня что-либо острое, – отдала ножик, показывали, как делать «розочку» из стеклянной бутылки, – смотрела, обсуждали, что делать дальше, – обсуждала и так далее. Обращение ко мне как к полноправному участнику объяснялось и самой ситуацией и тем, что мой статус имел значение. Главным для меня было сохранить его, поэтому я принимала участие, а не просто наблюдала за происходящим, и ждала, что же будет дальше и чем все закончится, с таким видом как будто все это меня не касается. Это был наш общий опыт. Как я выяснила в последствии, не для меня одной оказаться в подобного рода ситуации было внове. Описать четко, что я делала, как и почему, не представляется возможным. Этот опыт служит примером того, как «безотлагательность решений, в чем справедливо усматривают одну из главных особенностей практики, является следствием участия в игре и вытекающего из него присутствия в будущем; стоит оказаться, подобно наблюдателю, вне игры, вне выигрышей и проигрышей, как сразу же исчезают те безотлагательные проблемы, вызовы, угрозы и вынужденные ходы, которыми и образуется реальный, то есть реально обитаемый мир. Только тому, кто совсем вышел из игры, кто полностью разрушил чары, *illutio*, отказался от всякой заинтересованности, то есть от всяких ставок на будущее, – только ему временная последовательность событий может предстать как чистая дискретность, а мир может явиться во всей абсурдности*

настоящего без “настающего”, то есть без смысла, наподобие сюрреалистической лестницы, ведущей в пустоту. Чувство игры – это чувство “настающего” в игре, чувство смысла ее истории, которая и придает игре ее смысл» [Бурдые, 2001]. В данной ситуации я играю, и принимаю все решения «исходя из объективных вероятностей, то есть из глобальной и моментальной оценки всего комплекса соперников и партнеров в их потенциальном становлении. И это происходит, как говорится, “прямо на поле”, во мгновение ока и в разгар борьбы, то есть в условиях, исключающих дистанцию, взгляд со стороны, общий обзор, отсрочку решения, отрешенность мысли» [Бурдые, 2001]. Я воспринимала ситуацию так же, как и мои информанты, что было важно, действовала в соответствии с их представлении об адекватном поведении, в то же время подключала свои ресурсы как исследователя, например, дала им диктофон, чтобы они записывали текста, которые читали, пока ждали электричку. В итоге я подтвердила состоятельность своего статуса, сумела его сохранить и утвердить тем самым свое положение в группе, то есть осталась той же «своей-другой».

Таким образом, метод включенного наблюдения позволяет сформировать определенные представления о социальных условиях. Его преимуществом является то, что взаимодействие в поле с информантами позволяет обратиться к проблемам, которые они считают таковыми сами, услышать их голос. В частности, анализ результатов исследования проекта «Бытовое, но не «нормальное»: употребление наркотиков и молодежные культурные практики в современной России» показывает, что наркотизация в молодежной среде не рассматривается как проблема. На первый план у нее выходят проблемы, связанные с образованием, трудоустройством и возможностью самореализации. На мой взгляд, внимание к «голосу» представителей проблематизируемой группы позволяет включить в конструктивистский анализ дополнительный уровень исследования социальных проблем. Самоэтнография в данном случае имеет ключевое значение, так как формирует представление социолога о том, что и как он должен говорить в рамках обсуждаемого вопроса.

Позиция социолога в данном случае важна, так как она может либо утверждать существующие представления о социальной проблеме, либо идти в разрез с ними. В последнем случае социолог представляет собой своего рода рупор, который доносит мнение представителей проблематизируемой группы о социальной проблеме до

участников процесса обсуждения этого вопроса, то есть социолог дает представителям проблематизируемой группы право голоса и реализует это право, что служит основанием для претензии на обладание «истиной», а значит доминирование в поле научного производства, за которое идет борьба. Обслуживание социологами социальных проблем включается в реализацию государством социальной политики, потому подтверждение представлений, которые служат основой государственного дискурса, поддерживается, что говорит о полезности подобного рода исследовательской деятельности и в свою очередь является основанием для претензии на обладание «истиной». Отмечу, что представления, которые входят в противоречие с существующими в государственном дискурсе и отражающие мнение проблематизируемой группы полезны для общественных и правозащитных организаций. Вклад в утверждение государственного дискурса представляется с точки зрения поддержки исследовательских проектов более целесообразным, но отказ от обращения к мнению проблематизируемой группы приводит к хождению по кругу: проблема – исследование – объяснение причин путем определения «вредных» социальных условий – программа по изменению этих условий – реализация программы – измерение результатов – проблема. Этот замкнутый цикл вступает в противоречие с внутренней логикой процесса производства социологического знания. Только постоянное утверждение авторитета знания, полученного в соответствии с внутренней логикой науки, позволит оказывать влияние на официальные дискурсы социальных проблем: «художники должны были бороться в течении нескольких веков, чтобы освободиться от заказа и навязать свою автономию, право использовать цвета по своему усмотрению, право выбирать хотя бы манеру письма, если им указывают краски, право выбирать сюжет, изображать или нет заказчика, представлять его на коленях или стоя, крупным планом или нет. К сожалению, социологи, историки и т. д. не все и не всегда достигают такого уровня сознания, которого добились художники с эпохи Кватроченто. Они еще не научились так заключать контракты, чтобы защищать свое знание предмета, свою собственную компетенцию – то, что выступает условием их автономии. Социологи должны научиться отстаивать свою свободу конструировать объект так, как они его понимают, и самим определять программу» [Бурдые, 2001а].

В итоге я хотела бы оспорить поставленный под вопрос в определении цели статьи тезис о роли социолога в процессе выдвижения

утверждений-требований. Мне она представляется более многоплановой и предполагает, во-первых, говорение о проблемах, которые представители проблематизируемых групп называют сами, во-вторых, отстаивание своей позиции в академическом поле, в-третьих, установление компетентности социологического знания в процессе выдвижения утверждений-требований.

Список литературы

Бест Дж. Конструкционистский подход к исследованию социальных проблем // Контексты современности-II: Хрестоматия. 2-е изд., перераб. и доп. / Сост. и ред. С. А. Ерофеев. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001.

Блумер Г. Социальные проблемы как коллективное поведение // Контексты современности-II: Хрестоматия. 2-е изд., перераб. и доп. / Сост. и ред. С. А. Ерофеев. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001.

Бурдьё П. За социологию социологов <http://bourdieu.narod.ru/bourdieu/socsoc.htm> (30.04.2004).

Бурдьё П. Поле политики, поле социальных наук, поле журналистики: Социоанализ Пьера Бурдьё: Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской академии наук. М.: Ин-т эксперимент. социол.; СПб.: Алетейя, 2001а.

Бурдьё П. Практический смысл / Пер. с фр. Общ. ред. перевода и послесловие Н.А. Шматко. М.: Ин-т эксперимент. социол.; СПб.: Алетейя, 2001.

Михаловски Р. (Де)конструкция, постмодернизм и социальные проблемы: факты, фикции и фантазии в условиях «конца истории» // Контексты современности-II: Хрестоматия. 2-е изд., перераб. и доп. / Сост. и ред. С. А. Ерофеев. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001.

Спектор М., Китсьюз Д. Конструирование социальных проблем // Контексты современности-II: Хрестоматия. 2-е изд., перераб. и доп. / Сост. и ред. С. А. Ерофеев. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001.

Ясавеев И. Конструкционистский подход к социальным проблемам // Журнал исследований социальной политики. Том 2. 2004. № 4.

Эльвира Маратовна Шарифуллина,
ведущий специалист
Научно-исследовательского центра «Регион», г. Ульяновск,
преподаватель каф. рекламы
Ульяновского государственного университета
электронная почта: ellain@yandex.ru
